

Закройте глаза, напрягите слух, и от нежнейшего звука до самого дикого шума, от простейшего полутона до наивысшей гармонии, от самого надрывного страстного крика до самых вкрадчивых слов разума — все это речь природы, которая обнаруживает свое бытие, свою силу, свою жизнь и свои отношения так, что слепой, которому закрыт бесконечный видимый мир, может в слышимом уловить мир беспредельной жизни.

*Иоганн Вольфганг Гёте.
К учению о цвете (Перевод И. И. Канаева)*

Содержание

Карты	9
Пролог	17
Часть I. Начало пути: зарождение идей	
1. Первые шаги	29
2. Воображение и природа <i>Иоганн Вольфганг фон Гёте и Гумбольдт</i>	40
3. Поиск предназначения	55
Часть II. Прибытие: накопление идей	
4. Южная Америка	67
5. Льянос-Ориноко	78
6. Через Анды	91
7. Чимборасо	101
8. Политика и природа <i>Томас Джефферсон и Гумбольдт</i>	110
Часть III. Возвращение: сортировка идей	
9. Европа	129
10. Берлин	143
11. Париж	154

12. Революции и природа <i>Симон Боливар и Гумбольдт</i>	163
13. Лондон	182
14. Хождение по кругу <i>«Центробежная болезнь»</i>	193

Часть IV. Влияние: распространение идей

15. Возвращение в Берлин	209
16. Россия	221
17. Эволюция и природа <i>Чарльз Дарвин и Гумбольдт</i>	236
18. «Космос» Гумбольдта	255
19. Поэзия, наука и природа <i>Генри Дэвид Торо и Гумбольдт</i>	270

Часть V. Новые миры: развитие идей

20. Величайший человек со времен Потопа	285
21. Человек и природа <i>Джон Перкинс Марш и Гумбольдт</i>	302
22. Искусство, экология и природа <i>Эрнст Геккель и Гумбольдт</i>	317
23. Защита природы <i>Джон Мьюр и Гумбольдт</i>	334
Эпилог	352
О публикациях трудов Гумбольдта	355
Благодарности	360
Примечания	363
Источники и библиография	438

Пролог

Они ползли на четвереньках вдоль высокого узкого гребня, который местами достигал всего двух дюймов в ширину [1 дюйм = 2,54 см]. Тропа, если ее можно было так назвать, состояла из слоев песка и осыпавшихся при малейшем прикосновении камней. Слева внизу был крутой склон, покрытый коркой льда, который сверкал, когда солнце пробивалось сквозь густые облака. Взгляд направо, в пропасть в тысячу футов [1 фут = 0,3 м], не был лучше. Здесь темные, почти перпендикулярные стены завершались уступами, напоминавшими лезвия ножей.

Александр фон Гумбольдт и трое его спутников медленно продвигались вперед гуськом. Без надлежащего снаряжения и одежды это было опасное восхождение. От ледяного ветра у них немели руки и ноги, тонкая обувь промокла от талого снега, и кристаллики льда повисли на волосах и бородах. На высоте 17 000 футов над уровнем моря они с трудом дышали разреженным воздухом. По мере продвижения путешественники порвали подошвы об острые камни, и их ступни начали кровоточить.

Было 23 июня 1802 г., когда они совершали восхождение на Чимборасо — красивый куполообразный потухший вулкан Анд высотой без малого 21 000 футов, где-то в сотне миль [1 миля = 1,61 км] к югу от Кито в нынешнем Эквадоре. В те времена Чимборасо считался высочайшей горой мира. Неудивительно, что их ошарашенные носильщики испу-

гались и покинули смельчаков у границы вечных снегов. Вершина вулкана была окутана густым туманом, но Гумбольдт упорно продолжал подъем [1].

Перед этим Александр фон Гумбольдт три года путешествовал по Латинской Америке, проникая вглубь территорий, где до него побывала лишь горстка европейцев. Одержимый научными наблюдениями 32-летний естествоиспытатель привез из Европы огромный набор наилучших для того времени приборов. Что касается восхождения на Чимборасо, он оставил большую часть вещей внизу, кроме барометра, термометра, секстанта, искусственного горизонта и так называемого «цианометра» — прибора, которым он мог измерить «голубизну» неба. В то время как они карабкались вверх, Гумбольдт замерзшими пальцами возился со своими инструментами: пристраивал их у шатких узких пластов пород, чтобы определить высоту, силу тяжести, влажность. Он тщательно записывал любые встречающиеся виды: здесь — бабочку, там — крохотный цветок. Все заносилось в его блокнот.

На высоте 18000 футов смельчаки увидели на камне последний клочок лишайника, приникший к валуну, после чего все признаки органи-

Гумбольдт и его спутники при восхождении на вулкан Пико-дель-Тейде (Тенерифе)

© Wellcome Collection / CC BY

ческой жизни исчезли, так как на такой высоте не живут ни растения, ни насекомые [2]. Пропали даже кондоры, сопровождавшие их в прежних восхождениях. Так как туман забелил воздух, превратив его в непонятное пустое пространство, Гумбольдт чувствовал себя совершенно оторванным от обитаемого мира. «Казалось, — писал он, — что мы были заперты внутри воздушного шара» [3]. Затем внезапно туман рассеялся, обнаружив снежную вершину Чимборасо на фоне синего неба. Первой мыслью Гумбольдта было: «Великолепный вид!» [4] Но потом он увидел необъятную трещину напротив них (в 65 футов шириной и около 600 футов глубиной) [5]. Путь к вершине пролегал только через нее. Гумбольдт измерил высоту, на которой они находились, — 19 413 футов [6], до вершины оставалась какая-то тысяча футов.

Никто еще не покорял такую высоту и никогда не дышал настолько разреженным воздухом. Взгромоздившись на вершину мира, глядя вниз на раскинувшиеся под ним горные хребты, Гумбольдт по-другому стал видеть мир. Он видел землю как единый огромный живой организм, в котором все взаимосвязано. Так зарождался смелый взгляд на природу, который все еще влияет на наше понимание живого мира.

Названный современниками знаменитейшим человеком после Наполеона [7], Гумбольдт был одним из самых вдохновляющих людей своего времени. Появившись на свет в 1769 г. в состоятельной семье прусских аристократов, он пренебрег привилегиями рождения, чтобы стать первооткрывателем устройства мира. Будучи молодым человеком, он предпринял пятилетнее исследование Латинской Америки, много раз рисковал жизнью и вернулся с новым пониманием мира. Это было путешествие, сформировавшее его жизнь и мышление, превратившее его в легенду планетарного масштаба. Он жил в таких столицах, как Париж и Берлин, но равным образом чувствовал себя как дома на берегах далеких притоков Ориноко и в казахской степи на русско-монгольской границе. На протяжении большей части своей долгой жизни он оставался средоточием научного мира, написав около 50 000 писем и получив вдвое больше. Гумбольдт верил, что знаниями надо делиться, обмениваться, делать доступными для всех.

Кроме того, он был противоречивым человеком. Суровый критик колониализма и сторонник революций в Латинской Америке, он одновременно был камергером двух прусских королей. Восхищаясь Соединенными Штатами с их принципами свободы и равенства, он неустанно выступал против рабства. Он называл себя «наполовину американцем» [8], но в то же время сравнивал Америку с «картезианской воронкой, все засасывающей и все доводящей до тоскливого

однообразия» [9]. Он был самоуверен, но постоянно нуждался в одобрении. Широта его познаний вызывала восхищение, а острый язык — опасение. Книги Гумбольдта были изданы более чем на десятке языков и пользовались такой популярностью, что люди подкупали книготорговцев, чтобы получить первые экземпляры, но умер он в бедности. Он мог быть тщеславным, но мог также отдать свои последние деньги нуждающемуся молодому ученому. Его жизнь была заполнена путешествиями и неустанным трудом. Ему всегда хотелось испытать что-то новое, и, как он говорил, для него идеально было бы делать «три дела одновременно» [10].

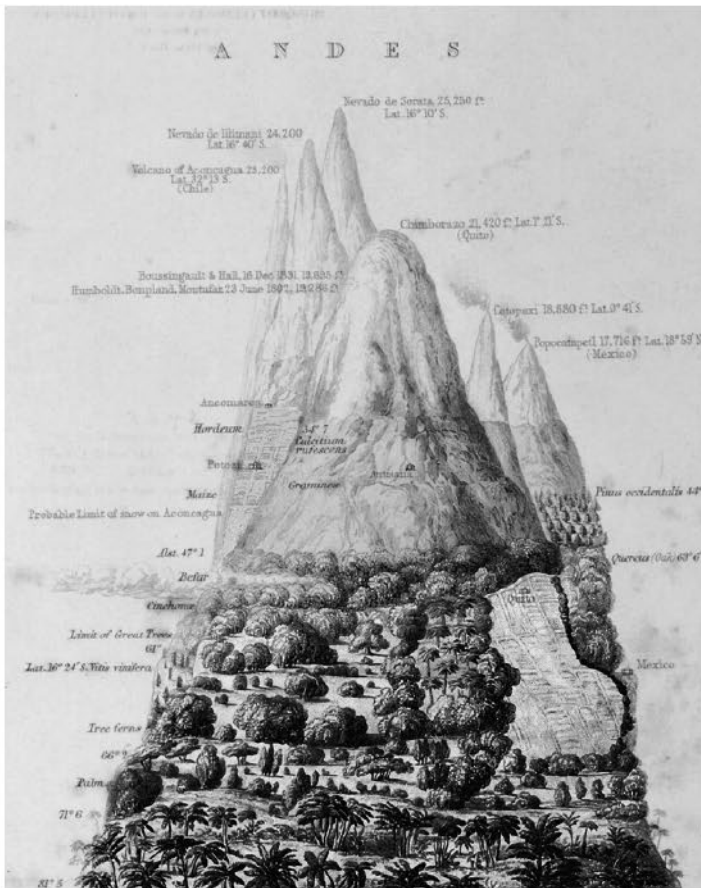
Гумбольдт прославился своими знаниями и научным мышлением, но он никак не был кабинетным ученым. Не ограничиваясь своими научными работами и обществом книг, он сознательно изнурял свой организм физическими нагрузками, проверяя его возможности. Он, рискуя, забирался вглубь загадочных чащ венесуэльских джунглей, пробирался вдоль скальных пород над головокружительными пропастями Анд, чтобы посмотреть на пламя действующего вулкана. Даже шестидесятилетним, он преодолел более 10 000 миль к самым удаленным уголкам России, посрамив более молодых спутников.

Неравнодушный к научным приборам, всяческим наблюдениям и измерениям, он равным образом был направляем чувством изумления. Разумеется, природе следовало измерять и исследовать, но он также верил, что большая часть нашего восприятия мира природы должна опираться на чувства и эмоции. Он стремился выразить «любовь к природе» [11]. В то время как другие ученые искали универсальные законы, Гумбольдт настаивал, что природу надо познавать через чувства [12].

Гумбольдт как никто другой был способен помнить годами даже мельчайшие подробности: форму листа, цвет почвы, показания термометра, слоистость горной породы. Эта незаурядная память позволяла ему сравнивать наблюдения, которые он делал по всему миру на территориях, отстоявших друг от друга на несколько десятков или тысяч миль. Гумбольдт был способен «проследить цепь всех событий мира одновременно» [13]. Когда другим приходилось рыться в памяти, Гумбольдт, «чи глаза настоящие телескопы и микроскопы», как восторженно выразился американский писатель и поэт Ральф Уолдо Эмерсон [14], мог любую крупицу знаний сразу же применить.

Стоя на вершине Чимборасо, Гумбольдт, утомленный восхождением, любовался видом. Здесь растительные пояса укладывались один к верхней границе другого. В этих долинах он проходил через пальмовые и влажные бамбуковые леса, где яркие орхидеи лънули к стволам.

Поднявшись выше, он наблюдал хвойные деревья, дубы и кустарники, напоминающие барбарис, — все это было ему знакомо и схоже с растительностью европейских лесов. Потом пришла очередь альпийских лугов с растительностью, очень похожей на ту, которую он собирал в горах Швейцарии, и лишайников, которые напоминали ему экземпляры Заполярья и Лапландии. Никто еще не смотрел так на растения. Гумбольдт видел их не как узкие категории классификации, а как типичных представителей, соответствующих месту и климату обитания. Это был человек, который видел в природе масштабную силу, расположившую климатические зоны вдоль всех континентов, — глубокая для его времени концепция и одна из немногих до сих пор влияющая на наше понимание экосистем.

Распределение растительности в Андах

Книги, дневники и письма Гумбольдта остаются дальновидными, принадлежащими мыслителю, сильно опередившему свое время. Он изобрел изотермы — линии температуры и давления, которые мы видим на нынешних картах погоды; он также открыл магнитный экватор. Он выступил с идеей растительных и климатических зон, опоясывающих земной шар. Но самое главное, Гумбольдт произвел революцию нашего видения мира природы. Он нашел взаимосвязи везде. Ни один, даже самый мелкий организм не рассматривался обособленно. «В этой огромной цепи причин и следствий, — говорил Гумбольдт, — ни один отдельный факт нельзя рассматривать изолированно» [15]. С этой догадкой он изобрел *паутину жизни* — концепцию природы, какой мы знаем ее сегодня.

Когда природа воспринимается как паутина, ее беззащитность сразу становится очевидной. Все тесно взаимосвязано. Потянешь за одно звено — вся мозаика может развалиться. После того как он увидел опустошительное действие колониальных плантаций на природную среду около озера Валенсия в Венесуэле в 1800 г., Гумбольдт стал первым ученым, заговорившим о пагубности человеческой деятельности для климата [16]. Вырубка лесов приводила там к истощению земли, уровень воды в озере снижался и с исчезновением подлеска проливные дожди вымывали почвенные слои к склонам близлежащих гор. Гумбольдт первым объяснил способность леса обогащать атмосферу влагой и его охлаждающий эффект, так же как и важность леса для влагоудержания и защиты от почвенной эрозии [17]. Он предупреждал, что, влияя на климат, человечество вмешивается не в свое дело и это может привести к непредсказуемому влиянию на «будущие поколения» [18].

В этой книге прослеживаются невидимые нити, связывающие нас с этим необыкновенным человеком. Гумбольдт оказал влияние на многих величайших мыслителей, художников и ученых своего времени. Томас Джефферсон назвал его «одним из лучших украшений века» [19]. Чарльз Дарвин писал: «Ничто так не подстегивало меня, как чтение “Личного повествования...” Гумбольдта» [20]. Он утверждал, что, не будь Гумбольдта, он не поплыл бы на «Бигле» и не задумал бы своего «Происхождения видов». Уильям Вордсворт и Сэмюэл Тейлор Кольридж использовали в своих поэмах гумбольдтовскую концепцию природы. Самый почитаемый в Америке писатель-натуралист Генри Дэвид Торо нашел в книгах Гумбольдта ответ на свою дилемму, как быть одновременно поэтом и натуралистом: без Гумбольдта его «Уолден» получился бы совсем другой книгой. Симон Боливар, революционер, освободивший Южную Америку от испанского колониального владычества, назвал Гумбольдта «первооткрывателем Но-

вого Света» [21], а величайший поэт Германии Иоганн Вольфганг фон Гёте признал, что провести несколько дней с Гумбольдтом было для него все равно, что «прожить несколько лет» [22].

14 сентября 1869 г. во всем мире праздновалось столетие Александра фон Гумбольдта. Торжества охватили Европу, Африку, Австралию, обе Америки. В Мельбурне и Аделаиде люди собирались, чтобы послушать речи в честь Гумбольдта, то же самое происходило в Буэнос-Айресе и Мехико [23]. В Москве на празднике в память о Гумбольдте его назвали «Шекспиром наук» [24], в египетской Александрии небо расцветилось фейерверками в его честь [25]. Наибольший размах торжества приобрели в Соединенных Штатах: от Сан-Франциско до Филадельфии, от Чикаго до Чарльстона устраивали уличные парады, с именем Гумбольдта пировали и закатывали концерты [26]. В Кливленде на улицы высыпало 8000 человек, в Сиракузах праздничная колонна из 15 000 человек растянулась на целую милю [27]. На праздничном собрании в честь Гумбольдта в Питтсбурге присутствовал президент Улисс Грант, и весь город замер, когда восславить юбиляра собралось 10 000 жителей [28].

Мощенные булыжником улицы Нью-Йорка украсились флагами. Ратуша скрылась под праздничными плакатами, огромные портреты Гумбольдта загоразживали целые фасады. В празднике участвовали даже проплывавшие по Гудзону корабли, расцветившиеся гирляндами. Утром тысячи людей проследовали за десятью оркестрами по Бродвею от Бауэри до Центрального парка, отдавая должное человеку, чью славу, как написала на своей первой странице *New York Times*, не могла присвоить себе ни одна страна [29]. Днем в Центральном парке собралось 25 000 человек, слушавших речи, сопровождавшие открытие бронзового бюста Гумбольдта. Вечером, когда стемнело, по улицам, под разноцветными китайскими фонариками, прошла факельная процессия из 15 000 участников.

Один из ораторов предложил представить его «стоящим на вершине Анд», выше которых парил его могучий разум [30]. Во всех речах по всему миру подчеркивалось, что Гумбольдт прозрел «внутреннюю взаимосвязь» всех явлений природы [31]. В Бостоне Эмерсон сказал городским вельможам, что Гумбольдт был «одним из тех чудес света» [32]. Его слава, писали в лондонской *Daily News*, была «в некотором роде тесно связана с самой вселенной» [33]. В Германии были праздники в Кёльне, Гамбурге, Дрездене, Франкфурте и множестве других городов [34]. Самые бурные немецкие чествования были в Берлине, родном городе Гумбольдта [35]: там, несмо-

тря на проливной дождь, собралось 80 000 человек. Власти распорядились закрыть в тот день все учреждения и правительственные службы. Ливень и порывы холодного ветра не мешали выступлениям и массовым песнопениям, не утихавшим несколько часов.

Идеи Александра фон Гумбольдта, ныне почти забытые за пределами академической среды, все еще формируют наше мышление. Его книги пылятся в библиотеках, зато его имя звучит повсюду: от течения Гумбольдта у берегов Чили и Перу до десятков памятников, парков и горных хребтов в Южной Америке, включая Сьерра-Гумбольдт в Мексике и пик Гумбольдта в Венесуэле [36]. В его честь назван город в Аргентине, река в Бразилии, гейзер в Эквадоре, залив в Колумбии*.

В Гренландии есть мыс и ледник Гумбольдта, горы Гумбольдта мы находим на картах Северного Китая, Южной Африки, Новой Зеландии, Антарктиды, реки и водопады Гумбольдт — в Тасмании и в Новой Зеландии, парки его имени есть в Германии, по Парижу пролегает улица Александра фон Гумбольдта. В одной Северной Америке именем Гумбольдта названы четыре округа, тринадцать городов, горы, заливы, озера и одна река; в Калифорнии есть природный парк Гумбольдт-Редвудс, в Чикаго и в Буффало — парки Гумбольдта. Когда Конституционный совет решал в 1860-е гг., как назвать нынешний штат Неваду, он чуть не стал Гумбольдтом [37]. Имя Гумбольдта носят около 300 растений и более 100 животных, в том числе калифорнийская лилия Гумбольдта (*Lilium humboldtii*), южноамериканский пингвин Гумбольдта (*Spheniscus humboldti*) и свирепый хищник — шестифутовый кальмар Гумбольдта (*Dosidicus gigas*), которого можно встретить в водах течения Гумбольдта в Тихом океане. Он увековечен в названиях шести минералов — от гумбольдтита до гумбольдтина, а одна из областей на Луне называется Mare Humboldtianum. В честь Гумбольдта названо больше мест, чем в честь кого-либо еще [38].

Экологи всех мастей и писатели-натуралисты черпают мысли из наследия Гумбольдта, пусть большинство и неосознанно. «Безмолвная весна» Рейчел Карсон основана на гумбольдтовской концепции взаимосвязанности, знаменитая «гипотеза Геи» Джеймса Лавлока — Земли как живого организма — имеет ряд примечательных сходств с трудами Гумбольдта. Описывая Землю как «естественное целое, оживленное и движимое внутренними силами» [39], Гумбольдт более чем на 150 лет предвос-

---

* По сей день во многих «немецких» школах Латинской Америки дважды в год проводятся спортивные соревнования Гумбольдта — Гумбольдтовские игры. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

хитил идеи Лавлока. Свою книгу, предлагавшую новую концепцию, он назвал «Космос», отбросив первый вариант — «Гайя» [40].

Мы сформированы прошлым. Николай Коперник указал наше место во Вселенной, Исаак Ньютон объяснил законы природы, Томас Джефферсон определил понятия свободы и демократии, Чарльз Дарвин доказал, что все виды происходят от общих предков. Эти идеи определяют нашу связь с окружающим миром.

Гумбольдт подарил нам нынешнее представление о самой природе. По иронии судьбы его взгляды стали настолько очевидными, что большинство из нас забыло о человеке, который впервые их высказал. Эта книга — попытка исследовать гумбольдтовскую концепцию природы и жизнь этого удивительного человека. Путешествие по миру привело меня в архивы Калифорнии, Берлина и Кембриджа. Я проштудировала тысячи писем; в Йене я видела развалины «анатомической башни», где Гумбольдт неделями препарировал животных; на вершине вулкана Анстисана в Эквадоре, на высоте 12 000 футов, под парящей в небе четверкой кондоров, в окружении диких лошадей, я нашла остатки хижины, где Гумбольдт переночевал в марте 1802 г.

В Кито я держала в руках подлинный испанский паспорт Гумбольдта — тот самый, с которым он странствовал по Южной Америке. В Берлине я поняла наконец, как он мыслит; для этого пришлось открыть ящики с его заметками — тысячами бумаг, записок, колонок цифр. Ближе к дому, в Британской библиотеке в Лондоне, я неделями читала книги Гумбольдта — те, что держал рядом со своим гамаком на «Бигле» Дарвин. Они испещрены карандашными пометками Дарвина. Чтение этих книг сродни подслушиванию беседы Дарвина и Гумбольдта.

В венесуэльских джунглях мне не давали уснуть крики обезьян-ревунов, на Манхэттене, куда я приехала для ознакомления с кое-какими документами в Нью-Йоркской публичной библиотеке, я сидела без электричества во время урагана «Сэнди». Я восхищалась замком X в. в деревушке Пьобези под Турином, где в начале 1860-х гг. Джордж Перкинс Марш писал «Человека и природу» — книгу, вдохновленную идеями Гумбольдта, которая послужила началом американского природоохранного движения. Я бродила вокруг Уолденского пруда, воспетого Торо, по глубокому свежеснежному снегу, а в Йосемитском парке вспоминала мысль Джона Мьюра о том, что «чистейший путь во Вселенную пролегает через лесную чащобу» [41].

Самым волнующим моментом стало для меня восхождение на Чимборасо, вершину, сыгравшую важнейшую роль в мировосприятии Гумбольдта. Я медленно карабкалась вверх по голому склону, судорожно

ловя ртом воздух — до того разреженный, что на каждый шаг уходила, казалось, вечность; ноги налились свинцом и стали чужими. Восхищение Гумбольдтом росло с каждым шагом. Он взошел на Чимборасо с раненой ногой (и, конечно, не в таких удобных и прочных ботинках, как у меня), нагруженный приборами, притом что постоянно останавливался для замеров.

Результатом исследований, созерцания пейзажей, изучения писем и дневников стала эта книга, целью которой было вернуть Гумбольдту принадлежащее ему по праву почетное место в пантеоне природы и науки и понять, почему мы, живущие в XXI в., воспринимаем мир природы именно так, а не иначе.

ЧАСТЬ I

НАЧАЛО ПУТИ:
ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕЙ

1

Первые шаги

Александр фон Гумбольдт появился на свет 14 сентября 1769 г. в состоятельной семье прусских аристократов, зимовавшей в Берлине, а на лето выезжавшей в семейное имение Тегель — небольшой замок в десяти милях к северо-востоку от города [1]. Его отец, Александр Георг фон Гумбольдт, был армейским офицером и камергером прусского двора, пользовался доверием будущего короля Фридриха Вильгельма II. Мать Александра, Мария Елизавета, была дочерью богатого фабриканта, принесшей в семью деньги и земли. Фамилия Гумбольдт пользовалась в Берлине уважением, будущий король был даже крестным отцом Александра [2]. Но привилегированное воспитание не сделало детство Александра и его старшего брата Вильгельма менее несчастным [3]. Братья рано лишились отца, в котором души не чаяли, а мать не проявляла к сыновьям сильной нежности. В отличие от отца, внимательного и полного дружелюбия, мать была холодной и отстраненной. Вместо материнского тепла она постаралась дать сыновьям наилучшее образование. Роль их наставников по очереди исполняли мыслители Просвещения, прививавшие воспитанникам любовь к истине, свободе и знаниям [4].

Особенное влияние на мальчиков оказал Готтлиб Иоганн Христиан Кюнт, много лет ведавший их образованием, причудливо сочетая проявления недовольства и неодобрения с созданием у подопечных чувства зависимости [5]. Нависая над двумя братьями и пристально следя, как они считают, переводят латинские тексты или учат французский, Кюнт не пе-

реставал их поправлять. Он был вечно недоволен их результатами. На любую их ошибку Кюнт реагировал так, словно они ошиблись намеренно, с целью оскорбить его или причинить боль. Как вспоминал потом Вильгельм, они отчаянно стремились порадовать Кюнта, жили в «постоянной тревоге», только о том и думая, как бы доставить ему удовольствие [6].

Особенно трудно давалась эта учеба Александру, вынужденному заниматься наравне с не по годам развитым братом, будучи на два года младше его. В итоге он решил, что отстает от него по способностям. Вильгельму отлично давались латынь и греческий, Александр же чувствовал себя по сравнению с ним туповатым тугодумом. Он так мучился, что, как потом признавался другу, наставники «сомневались, что в нем когда-нибудь разовьется даже заурядный ум» [7].

Вильгельм увлекся древнегреческой мифологией и историей Древнего Рима [8], Александра же книги не влекли. Он пользовался любой возможностью улизнуть из класса, чтобы побродить по окрестностям, собирая и зарисовывая растения, живность, камешки. За вечно набитые насекомыми и растениями карманы его прозвали в семье «маленьким аптекарем» [9], не принимая его интересы всерьез. Как гласит семейное предание, однажды прусский король Фридрих Великий спросил мальчика, намерен ли он, подобно своему тезке Александру Великому, завоевать весь мир. «Да, государь, — отвечал юный Гумбольдт, — но моей головой» [10].

Большую часть ранних лет, как признавался потом Гумбольдт близкому другу, он провел среди людей, любивших его, но не понимавших. Учителя были требовательны, мать отстранилась от общества и от сыновей. Главной заботой Марии Елизаветы фон Гумбольдт было, по словам Кюнта, пестование «умственного и нравственного совершенства» Вильгельма и Александра [11]; их эмоциональное благополучие, стало быть, в центре внимания не находилось. «Меня принуждали к тысяче ограничений» [12], — сетовал Гумбольдт; он страдал от одиночества и прятался за стеной притворства, ибо не чувствовал возможности быть самим собой с суровой матерью, следившей за каждым его шагом. Выражение возбуждения или радости считалось в доме Гумбольдтов неприемлемым.

Александр и Вильгельм были очень разными [13]. Александр любил приключения и прогулки, Вильгельм отличался серьезностью и усердием. Александра часто разрывали противоречивые чувства, в характере же Вильгельма главной чертой было самообладание [14]. Братья искали убежища в собственных мирах: миром Вильгельма были книги, Александр предпочитал одинокие прогулки по густым лесам Тегеля, где росли завезенные из Северной Америки деревья [15]. Пока он странство-

вал среди пестрых американских кленов и величественных белых дубов, Александр ощущал покой и умиротворение от природы [16]. А еще среди этих деревьев из Нового Света он начал мечтать о дальних странах.

Гумбольдт вырос в привлекательного юношу. Он был ростом 5 футов, но держался прямо и с достоинством, так что казался выше [17]. Он был строен и подвижен, обладал стремительной походкой и ловкостью [18]. По отзыву одного из друзей, у него были маленькие и нежные, как у женщины, руки. Взор у него был пытливый, не ведавший скуки. Его внешность отвечала идеалу того времени: кудрявые волосы, полные выразительные губы, подбородок с ямочкой. При этом он часто болел, страдал горячкой и неврастенией; Вильгельм объяснял это «ипохондрией» и тем, что «бедняга несчастлив» [19].

Пряча свою уязвимость, Александр прикрывался щитом сообразительности и честолюбия. В детстве он внушал страх своими острыми высказываниями, один друг семьи даже прозвал его *petit esprit malin*^{*} [20], и он всю жизнь оправдывал эту репутацию. Даже лучшие друзья упрекали Александра за злой язык [21]. Вильгельм уточнял, правда, что злобным его брат никогда не был — разве что немного тщеславным, обуреваемым стремлением блистать и быть лучше всех [22]. С ранних лет Александр разрывался, кажется, между тщеславием и одиночеством, между жадной славой и стремлением к независимости [23]. Неуверенный, но при этом не сомневающийся в силе своего ума, он не мог выбрать между потребностью в одобрении и чувством своего превосходства.

Родившись в один год с Наполеоном Бонапартом, Гумбольдт вырос в мире все возрастающей глобальной доступности. Показательно, что за несколько месяцев до его рождения ученые мира впервые сумели наладить сотрудничество: астрономы из десятков стран договорились вместе наблюдать за прохождением Венеры, а затем обменяться результатами наблюдений. Была решена наконец задача расчета долготы, и на картах XVIII в. стремительно исчезали белые пятна. Мир менялся. Гумбольдту еще не исполнилось 7 лет, когда американские революционеры провозгласили свою независимость, а незадолго до его 20-летия за ними последовали французы, устроив в 1789 г. свою революцию.

Германия пока что пребывала под зонтиком Священной Римской империи — как выразился Вольтер, «не священной, не римской и не империи». Еще не единая нация, она состояла из множества государств — одни были крохотными княжествами, в других правили могучие династии,

^{*} Маленький злока (фр.).

как Гогенцоллерны в Пруссии и Габсбурги в Австрии, продолжавшие бороться за преобладание и за территории. В середине XVIII в., при правлении Фридриха Великого, Пруссия утвердилась как крупнейшая соперница Австрии.

К моменту рождения Гумбольдта Пруссия уже славилась своей грозной регулярной армией и эффективностью государственного управления. Фридрих Великий, правивший как абсолютный монарх, все же проводил кое-какие преобразования, включая введение всеобщего начального образования и скромную аграрную реформу. В Пруссии предпринимались первые шаги в направлении религиозной терпимости. Фридрих Великий был известен своей любовью к музыке, философии и учености. И хотя современные ему французы и англичане часто с пренебрежением отзывались о немцах как об отсталых грубиянах, университетов и библиотек в германских государствах было больше, чем где-либо еще в Европе [24]. Книгоиздание и периодическая пресса переживали бум, резко росла грамотность.

В Британии тем временем развивалась экономика. Благодаря аграрным новшествам — севообороту, новым методам орошения — росли урожаи. Охваченные «канальной лихорадкой» британцы создавали у себя на острове современную транспортную систему. Промышленная революция принесла механический ткацкий станок и прочие механизмы, города превращались в центры производства. Британские земледельцы переходили от натурального хозяйства к прокорму людей, живших и трудившихся в новых городских центрах.

Человек начал овладевать природой с помощью новых технических средств, таких как паровые машины Джеймса Уатта, а также новых медицинских достижений, ведь были привиты от оспы первые жители Европы и Северной Америки. Когда Бенджамин Франклин в середине XVIII в. изобрел молниеотвод, человечество начало укрощать то, что считалось проявлениями Божьего гнева. Приобретая такое могущество, человек терял свой страх перед природой.

Два предыдущих столетия в западном обществе преобладала мысль, что природа работает как сложное устройство — «огромная и трудная для понимания Машина Вселенной», как сказал один ученый [25]. Более того, если человек мог создать замысловатые часы и автоматические устройства, насколько великие творения мог создать Бог? По мысли французского философа Рене Декарта и его последователей, Бог дал нынешнему материальному миру его исходный толчок, тогда как Исаак Ньютон рассматривал Вселенную скорее как священный механизм, в работу которого продолжает вмешиваться его Создатель.